

ВЫРОДОК

Алексей
Брызгин

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Алексей Брызгин

Выродок

«Автор»

2026

Брызгин А. А.

Выродок / А. А. Брызгин — «Автор», 2026

<p>Что делает человека выродком? Для Артёма, обычного старшеклассника, это определение становится ключом к пониманию самого себя. Вы делите мир на друзей и врагов? Артём делит его на себя и на того, кем бы он хотел стать. Сложный характер парня, являясь его внутренним двигателем, толкает главного героя на совершение страшных поступков, которые при этом являются желанными воплощениями его самых потаённых мечтаний. Выродок это пронзительная социальная драма, написанная от первого лица очень простым и понятным языком, но затрагивающая сложные и болезненные аспекты человеческой природы, заставляющая задуматься о границах дозволенного и о цене исполнения собственных желаний. </p><p>Ощутите каждую эмоцию, каждую мысль, каждый шаг вместе с героем. Без прикрас и дистанции вы проживёте вместе с ним каждый вдох, каждое сомнение, каждую победу и неудачу. Забудьте всё, что вы знали о чужих жизнях. Книга Выродок - это портал в душу, мысли и самое сердце другого человека.</p>

© Брызгин А. А., 2026

© Автор, 2026

Алексей Брызгин

Выродок

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Длинный школьный звонок известил учащихся о начале первого урока. Учителя в классе не было, и ученики 11-го «Г» класса галдели, радуясь тому, что урок начинался с опозданием. Была надежда, что его и вовсе может не быть, по причине недавнего увольнения преподавателя русского языка и литературы.

Я сидел на своем месте, за последней партой, слегка покачиваясь на стуле и наблюдая за одноклассниками. Они давно уже откровенно меня раздражали, и я каждый раз при удобном случае старался им напомнить об этом, после чего с ухмылкой наблюдал за тем, как тот или иной ученик с недовольством проглатывал унижение, боясь даже возразить что-либо в ответ. Нет, меня не то, чтобы боялись, просто я был старше кого-то на год, а некоторых и на два. В девятом классе я с приятелями прогулял почти целую четверть и педсовет принял решение перевести меня из восьмого класса обратно в седьмой. Таким образом я остался на второй год. Крепкой дружбы с кем-либо из класса я не водил, но при этом поддерживал относительно нормальные отношения с несколькими пацанами, которые были близки мне по духу и у которых всегда можно было стрельнуть сигарет, если своих вдруг не окажется. Отношения с учителями были плохие. Да и как они могли быть хорошими, когда какой-то семнадцатилетний сопляк мог запросто прилюдно на глазах у всего класса послать на три буквы человека, который старше его минимум на тридцать лет. Причем сделать это мог, будучи совершенно уверенным в своей безнаказанности. Что взять с трудного подростка, который только чудом избегал колонии для несовершеннолетних. Впрочем, многие уже тогда понимали, что ничего хорошего Артёма Косых в жизни не ждёт. Кончит тюрьмой рано или поздно.

Я продолжал качаться на стуле, наблюдая за так бесившими меня одноклассниками. Группа из четырех девушек, чьи родители считались относительно обеспеченными, что-то весело обсуждали, держась обособленно. Одна из девушек сидела на краю парты в короткой юбке. В какой-то момент она так увлеклась рассказом и слишком широко раздвинула ноги, что даже через черные зимние колготки стало просвечиваться нижнее белье светлого цвета.

– Бойко, форточку прикрой, а то тампон выскочит! – громко произнес я.

Девушки затихли. Те, что стояли ко мне спиной обернулись и надменно, с явным пренебрежением посмотрели на меня. Встретившись взглядом с той, которой было сделано замечание, я дождался пока она отведет глаза. После чего перестал раскачиваться и, сложив руки на парте, положил голову сверху, отвернувшись к стене.

Все шло к тому, что урока не будет. И это радовало. Можно было попробовать немного подремать, даже несмотря на то, что в кабинете стоял жуткий гул, как в машинном отделении. Я закрыл глаза.

Сложно сказать через какие унижения прошла моя мать, буквально умоляя директора и завуча перевести меня в десятый класс, но ей это удалось и, смотря в заплаканные глаза мамы, я пообещал ей и всем присутствующим получить полное среднее образование. Я не учился в прямом смысле этого слова, я просто посещал школу, не проявляя ни малейшего интереса к учебному процессу. У меня была другая школа – улица. Всё детство по чердакам и подвалам, в компании старших. Там быстро научили курить сигареты, а затем и химку. Научили пить водку. Научили материться и воровать деньги из дома. Бомж дядя Толя, который жил в подвале нашего дома, научил нас чифирить. Хотя это дело мне не очень нравилось. Проведя треть жизни в тюрьме, дядя Толя, как и многие бывшие заключенные, остался без всего, поэтому,

собственно, и жил теперь в подвале. На улицу практически не выходил, а мы подкармливали его чем могли, получая взамен байки о другом мире; мире решеток, железных дверей, могучих замков и засовов. Я мог часами сидеть и слушать его рассказы, внимая каждое сказанное им слово, буквально пропитываясь тюремной романтикой. Смешно это конечно. Когда ты лежишь на обоссаном матрасе в подвале и рассказываешь о тюрьме, как о чем-то таком, к чему непременно нужно стремиться, а потом просишь малолеток принести что-нибудь покушать.

Вот так, попав под влияние бывшего уголовника я и прогулял четверть, оставшись на второй год. Конечно, в этом была не только моя вина. Виноваты были и мать, которая тогда пыталась устроить свою личную жизнь, отчего я был полностью предоставлен самому себе. Была вина и классной, которая соизволила прийти к нам домой, лишь под конец четверти – ученик не посещает занятия. Буквально пропал. Но никому нет до него дела. Помню, как в дверь позвонили. Я подошел и посмотрел в глазок. Не смотря на плохое освещение на площадке, я узнал «класснуху» по большим очкам. В руках она держала школьный журнал. Сердце остановилось. Я буквально ощутил, как в теле перестала циркулировать кровь. Думаю, в прихожей стало немного светлее от моей побледневшей рожи. «Это всё. Это всё...», повторял я про себя, не зная, как поступить. Раздался повторный звонок и в этот момент из кухни к двери подошла мать. Ничего не говоря, я ушел в свою комнату. Я не слышал, о чем они говорили, но к моему удивлению, меня для разговора не пригласили. Дверь захлопнулась, захлопнулась с силой. Через мгновение в комнату зашла мать. По выражению ее лица, было件нятно, что мама, мягко говоря, расстроена. Чтобы не отхватить по полной, мне пришлось на протяжении нескольких часов симулировать заикание. Кстати, это сработало. Бить меня она не стала. Но остаток школьной четверти водила меня в школу до кабинета, после чего ехала на работу. Такой позор забыть сложно. Я буквально умолял не делать этого, клялся, что в жизни больше не прогуляю ни одного урока, однако, мать была непреклонна. Примерно через неделю к нам переехал ее ухажёр, который в последствии стал моим отчимом. Дядю Серёжу я сразу невзлюбил, а в последствии стал яростно ненавидеть. Мелкий барыга, продавал машины на местном авторынке. После уроков он приезжал за мной, отвозил домой и закрывал на ключ в квартире до прихода матери. Таким образом я был лишен улицы почти на два месяца. Спустя три года, бизнес его начал сыпаться, а вскоре и вовсе рухнул и теперь дядя Сережа больше перебывался какими-то случайными заработками, при этом очень сильно налегая на водку. Только за последние полгода его трижды выводили из запоя. Запой мощные, по одной-две недели. До сих пор не могу понять, почему мать не выгнала его.

Класс продолжал гудеть, словно пароход. В какой-то момент дверь кабинета слегка скрипнула, и дети тут же притихли. Я открыл глаза и приподнял голову. В класс вошла девушка. Молодая, лет двадцати пяти.

– Ребята, успокаиваемся и рассаживаемся по местам, – произнесла она с необычайно мягкой и приятной интонацией.

Дети неохотно принялись исполнять просьбу. В классе наступила тишина. Девушка подошла к столу, изящно положила журнал и, не присаживаясь, стала осматривать класс. Я выпрямился, протер глаза, стараясь получше рассмотреть незнакомку, но с последней парты это было сделать затруднительно. Однако, не смотря на расстояние, было件нятно, что девушка чертовски красива и просто дьявольски обаятельна.

– Ребята, меня зовут Елизавета Сергеевна. Я ваш новый учитель русского языка и литературы. У нас с вами два урока и первый я предлагаю потратить на знакомство. Вы согласны?

– Да-а-а-а. – прозвучало дружно и громко.

Оно и件нятно. Знакомство, так знакомство, лишь бы ничего не писать.

– Давайте я сейчас по списку буду называть фамилии, а вы будете вставать. Так мне будет проще вас запомнить.

Учитель стала озвучивать фамилии и при этом, по всей видимости, обращать внимание на успеваемость по предмету. Подходила моя очередь, а я тщетно, с «Камчатки», пытался рассмотреть новую «русünü». Момент настал. Прозвучали мои имя и фамилия. Я вальяжно встал со стула. По правде сказать, вальяжность эта была напускная, рассчитанная на учеников, а не на Елизавету. Не знаю почему, но она значительно дольше заставила меня стоять, при этом внимательно всматриваясь, после чего поблагодарила и предложила сесть. На протяжении двух уроков я не отрывал от нее глаз. На нее было не только приятно смотреть, но и слушать. Четко поставленная речь, лишенная слов-паразитов, в сочетании с нежным голосом просто гипнотизировали. Сегодня урок русского языка и литературы просто пролетели. В тетрадях не было сделано ни единой записи. Новый педагог всё сделала грамотно. За полтора часа ей удалось расположить тридцать человек к себе. Ученики покидали класс улыбаясь, пребывая в отличном настроении. Я решил не спешить и дожидаться пока основная масса одноклассников выйдет из кабинета. Проходя мимо, хотелось посмотреть на нее ближе, без препятствий. Двигаясь параллельно с ее столом, максимально замедлив шаг, я повернул голову. Она словно этого ожидала и, оторвав взгляд от стола, слегка щурясь, пристально посмотрела мне в глаза.

– До свидания, – произнес я, на секунду остановившись и качнув головой.

– Всего доброго, Артём, – прозвучало в ответ как-то снисходительно.

Я вышел из класса, размышляя о том, что она так быстро запомнила мое имя и это было очень приятно. Внутри меня словно растеклось что-то тёплое.

Впрочем, все было проще, гораздо проще. Ученики с дурной славой всегда являются объектами пристального внимания, и я не был исключением. Её просто заранее предупредили коллеги, с кем ей предстоит иметь дело. Поэтому она и заостряла на мне свое внимание.

Уроки подходили к концу, а я по-прежнему был под впечатлением от Елизаветы. Следующий урок русского языка по расписанию был послезавтра. Оставалось набраться терпения. Впрочем, встречи на этаже во время перемен никто отменить не мог.

Вернувшись из школы, я как обычно разбросал учебники и тетради на письменном столе, создав видимость того, что домашнее задание сделано и, хорошенько пообедав, лёг спать.

С приходом вечера начиналась другая жизнь. Когда я проснулся, за окном уже темнело. Можно было собираться на улицу. Вернее, в подъезд дома под номером 13. Этот дом находился немного ниже дома, в котором жил я. В зимнее время вся наша компания перебиралась туда. Собиралось нас там обычно человек шесть или восемь. Иногда больше, иногда меньше. Бывало конечно, что и человек пятнадцать могло собраться. Не трудно догадаться, в каком состоянии был этаж, на котором мы тусили, доставляя явные неудобства жильцам. Однако, у нас была своего рода бронь. На этом же этаже жили брат и сестра, которые так же являлись членами нашей компании. Возраст у всех был разный, но не старше двадцати трёх лет. Если возраст был разный, то общий интерес у всех был один – химка. У нас её так называли. Лёгкий наркотик на основе конопли. Курили почти каждый вечер. Если Химки не было, можно считать зря собрались и можно было смело расходиться по домам. Поскольку людей собиралось достаточно, необходимое количество денег всегда можно было «нашкулять» на приобретение «коробка». Главное, надо было знать где взять. В тринадцатом доме, как ни странно, «точек» никогда не было, а вот в моем доме торговали вовсю. В одном подъезде проживало до трёх барыг. И я их всех знал. В принципе, если знаешь где «взять», денег можно и не добавлять, ну разве только если не хватает. Достаточно было сходить и принести. Правда, такие прогулки зачастую были сопряжены с риском. Всегда можно было нарваться на патруль ППС или на БАМовцев, которых автобусами привозили на районы и заставляли патрулировать улицы, досматривая при этом в основном молодежь. Только ничто человеческое не чуждо и ментам. Особенно БАМовцам, которые были те еще наркоманы-травокуры.

Тем летом, парень из нашей компании шел в тринадцатый дом из частного сектора, в котором жил. В кармане «коробок», хороший такой, жирный. Мы с другом шли метрах в два-

дцати позади него. Все, разумеется, обкуренные. По закону подлости, буквально из ниоткуда, прям по волшебству, появляется три БАМовца. Ага, приехали! Тормозят Ваню. Тут же начинают досматривать. Мы продолжаем идти вперед. Выбора нет. Дорога хоть и широкая, но свернуть некуда. Не знаю как у кореша, а у меня очко до размеров мышиного глаза сжалось от страха. Думал, тоже остановят. В карманах хоть ничего запрещенного и не было, кроме пол пачки папирос, которые, конечно, не запрещены, но определенные подозрения вызывают. Просто состояние – только-только покурили.

В тот момент, когда мы проходим мимо, менты уже разворачивали газетный сверток, найденный у Вани. Мы прошли спокойно. Дошли до тринадцатого дома. Встали под подъездом. Смотрим, ведут Ванька в опорный пункт милиции, который наверху улицы располагался. А нет, свернули в лес. Странно. Стоим ждём. Минуты через три Ваня бежит. Подбегает, и просит... пару папирос. Короче, уболтал он ментов. Покурили они все вместе, пол коробка он им тогда отсыпал, чтобы служить веселее было. На этом и разошлись.

На улице почти стемнело. Как только я вышел из подъезда, северный ветер тут же начал пронизывать до костей. Всё-таки дерьмовая зима в наших краях. В руке плотно сжимал горстку мелочи, которую я, как обычно, украл из кармана отчима. Брал немного, чтобы заметно не было. Этого хватало на пять-шесть сигарет, которые поштучно продавались в небольшом магазинчике рядом с домом.

Каждый раз, заходя в него и видя одну из продавщиц, я с улыбкой вспоминал рассказ одного человека, по прозвищу Горилла. Однажды, будучи в хорошем подпитии, он поделился этой историей. Ему тогда лет тридцать пять было, здоровый такой мужик, конкретный. Значит, сидели они с товарищем, выпивали с самого утра. К вечеру сигареты и водка кончились, собственно, как и денежные средства, а продолжить хочется. Надо что-то думать. Горилла помочился в пустую бутылку из-под водки и зашел в этот магазин. Угрожая тем, что в бутылке бензин, он потребовал от продавщицы два пузыря и пачку сигарет, иначе сожжет. Уже молодая женщина-продавец рисковать не стала, и, поверив на слово, выдала ему всё точно по списку. Быстро заскочив в магазинчик и купив Явы золотой, я поспешил в тринадцатый дом. В подъезде было тихо. Хотя нет, доносился чей-то еле слышный голос. Значит уже кто-то есть. Лифт доставил меня на шестой этаж. На площадке никого не было, но возле мусоропровода слышалось шуршание. Так и есть, Рома и Ваня уже были на посту. Исходя из того, что парни прятались, значит имелось что-то запрещенное. Рома был человек интересный, с отличным чувством юмора и очень разговорчивый. Ваня же абсолютно уникальный, из очень неблагополучной семьи. Он отличался умением сочинять такие истории, пытаясь при этом выдавать их за правду, что, слушая весь этот бред, тяжело было сдерживать смех. Однако, мы слушали и делали вид, что верим. В дальнейшем Ваня отсидит 11 лет строгого режима за преступление, которого не совершал. Просто сестра решила освободить от него метры квадратные и написала заявление. Признание менты выбили быстро и Ваня уехал.

Я поздоровался с пацанами и закурил сигарету. Парни стояли молча, переглядываясь. В итоге Рома не выдержал и достал из кармана «пятку». Так мы называли обычный косяк. Вспыхнуло пламя зажигалки и тут же раздалось приятное шкворчание. Свою только что прикуренную сигарету я уже курил, не затягиваясь. Наполняя рот табачным дымом, я выпускал его, чтобы тот перебил запах Химки. Спустя пять минут, по этажам начал разноситься смех. Домой я вернулся как обычно в районе десяти часов вечера. Приходить позже запрещала мать, и я подчинялся.

Прошел на кухню. Задерживаться не стал. Там сидел отчим, но, как обычно, сидел не один, а с бутылкой водки. Свиное рыло с блестящими от жира губами и почти закрытыми глазами вызывало рвотный рефлекс. Схватив со сковороды еще теплую котлету, я впихнул ее себе в рот и пошел в комнату. Когда химка отпускает, начинает сильно хотеться есть, поэтому домашняя котлетка, это именно то, что было нужно мне в тот момент. Я разделся, лёг в постель.

Рядом стоял кассетник. Альбом «Ураган» группы «Агата Кристи» был для меня колыбельным. Подростковые мечты под музыку получаются всегда особенно яркими, а также глупыми и наивными. О чем может мечтать подросток? О многом, конечно; о сексе, о дорогом автомобиле, да много, о чем. В этот вечер, я мечтал о том, как спасаю Елизавету от каких-то козлов, которые в итоге дырявят меня ножом, и та выхаживает меня у себя дома. Странно, но я только перед сном вспомнил о ней. Помнится, когда я только пошел в первый класс, в моей первой школе тоже была молодая учительница. Я думаю, что учить детей она пришла сразу после института. Светловолосая, с длинной косой и пухлыми щеками она была моей первой любовью. Потом я любил певицу Таню Буланову, Иден Кэпвэлл из сериала «Санта – Барбара», актрису из фильма «Скалолаз» со Сталлоне. Такая темненькая, с короткой стрижкой. Я почему-то думал, что по фильму это его сестра. Да много кого любил. Всех и не вспомнить. Печально другое, никто из них мне так и не дал. И Лиза не станет исключением. Про себя я сразу же начал называть ее Лиза. С того самого момента, как она озвучила своё имя.

Глава 2

Долгожданный урок русского начинался. Как я его ждал, как ждал. И вот, дождался. Елизавета была прекрасна. Строгий костюм тёмного цвета особым образом подчеркивал ее фигуру. Волосы аккуратно уложены, лишь одна прядь свисает, слегка прикрывая лицо.

– Ребята, сегодня я хочу проверить некоторые ваши знания. Приготовьте, пожалуйста, одинарные листочки. В углу фамилия, а также укажите вариант. Первый и второй.

Класс наполнился вздохами. Самостоятельная. Доска была поделена на две части и полностью исписана красивым, если не сказать, идеальным почерком. Не могу сказать, что Лиза перестала мне нравиться, но с ее стороны я счел это за подставу, забыв, что она в конце концов учитель. К моему несчастью, отсутствовал Макс Захаров, который сидел впереди меня и у которого я обычно все списывал. В итоге, к моменту сдачи самостоятельных работ, на моем листке не было ничего, кроме того, что было написано на доске, ну и фамилии.

Я подошел к учительскому столу и тут же услышал аромат ее духов. Он был свежий, с явным оттенком цитруса. Я положил лист в общую стопку, не упуская возможности впервые посмотреть на неё так близко. Она слегка приподняла глаза, но почти сразу их опустила. Когда все работы были сданы, Елизавета выборочно их посмотрела, затем аккуратно сложила и сдвинула на край стола. Я понимал, что пара мне обеспечена. Не то, чтобы я сильно переживал по этому поводу, просто хотелось, конечно, произвести на нее впечатление и, скорее всего, я его произведу, правда эффект будет обратный. Это был последний урок русского языка на этой неделе, поэтому оценка будет известна только в следующий понедельник. Вернее, о моей паре станет известно только в понедельник.

Зимним воскресным вечером я, как обычно, стоял в подъезде тринадцатого дома. По выходным мать разрешала гулять на час дольше, поэтому домой нужно было явиться не позже одиннадцати вечера. Со мной были еще двое парней, которым я периодически брал химку. Честно говоря, особой разницы с кем водиться не было, главное, чтобы было чего покурить.

Парни были на несколько лет старше меня. Андрей и Лёха были нормальные пацаны. Оба работали охранниками в одной конторе. Андрея я видел редко, а вот Лёха частенько бывал в подъезде, в котором тусила наша компания. На одном из этажей жила его девушка. Они были странной парой и вообще не ясно, как Лёха до сих пор находился на свободе за такие отношения. Его избраннице было лет тринадцать, при том, что Лёхе было в районе двадцати. Пока я ходил и брал пацанам пол коробка, парни успели метнуться в магазин и затариться пивом. Я отдал сверток Андрею. Развернув его, он приятно удивился количеству, сказав при этом, что этого хватит на целую китайскую деревню. Пока Лёха разливал по пластиковым стаканам пиво, Андрей забивал сразу пару пяток. Одну мы скурили тут же, а вторую Андрей убрал в китайский портсигар. Покурить ее мы собирались после того, как допьём пиво. Три литра «Балтики» иссякли буквально на глазах. Парни, недолго советуясь, решили сходить взять еще.

Я противиться не стал. Все начали готовиться к выходу на улицу. Поправляли шапки, застёгивали верхнюю одежду. В этот момент на этаж приехал лифт. Из кабины вышел невысокий мужичок и девочка-подросток, по всей видимости дочь. Отец строгим, приказным тоном сказал дочери сразу заходить в квартиру. Девочка требование исполнила и, отворив дверь, тут же исчезла за ней. В воздухе сразу стало ощущаться какое-то напряжение. От мужчины явно начала исходить угроза. Он внимательно нас осмотрел.

– Вы чё сюда лезете? Анжеличку свою ебите, а сюда не лезьте? Ясно? – очень агрессивно произнес мужчина, глядя на Лёху.

Стало понятно, что мужик имеет претензии к Алексею, который стоял спокойно, молча, не реагируя.

Не дождавшись ответа, мужчина попытался приблизиться, и в этот момент Лёха быстро сунул руки в карманы куртки. Из правого кармана с небольшим интервалом раздались два негромких щелчка разной тональности. Первый чуть тише, второй заметно громче. Мужчина резко остановился. Я повернул голову и посмотрел на лицо Лёхи. Оно продолжало сохранять спокойствие. Мужик в свою очередь смотрел на карман куртки, из которого раздалось это неприятное для него щелканье. Постояв еще пару секунд, мужик развернулся и молча направился к двери своей квартиры. Когда дверь захлопнулась, из кармана Алексея раздался еще один щелчок, явно громче двух предыдущих.

– Вот сука, – произнес Алексей, вынув руки из карманов, не сводя глаз с входной двери за который скрылся мужчина.

Настроение было слегка подпорчено. Парни тут же принялись разбираться в причинах произошедшего, пытаясь найти основания для такого агрессивного поведения неизвестного им мужика. Вскоре причина стала относительно проясняться. Все было просто. Ребята часто стояли на этом этаже, и намереваясь, находясь в подпитии, забавы ради попытались склеить дочку этого мужика и еще двух ее малолетних подружек, которых та вела в гости. Девочка, видимо, пожаловалась на парней отцу, не забыв упомянуть и Анжелику, девушку Алексея. Разбирая произошедшую ситуацию, было заметно, как в Лёхе закипала злость. Мы простояли на этаже еще минут десять. За это время пацаны решили немного наказать столь борзого мужика. Ведь оставлять такое поведение безнаказанным казалось им неправильным. Вернее сказать, его решили не наказывать, а вынести своего рода предупреждение в лучших традициях Крестного отца. Было решено поймать дворовую кошку и, отрезав ей голову, бросить под дверь. Благо, кошек в доме водилось в огромном количестве. Жильцы как будто специально разводили их, возможно, для борьбы с крысами. Только сначала все же требовалось сходить за пивом.

В лифте Андрей достал из кармана черный складной нож, разложил его, ухмыляясь, повертел в руках и, сложив, убрал обратно в карман. Я смотрел на пацанов и понимал, что они не шутят и действительно готовы сделать это. Участвовать в этом я точно не собирался, но хотелось ещё покурить, поэтому я решил сходить с парнями до магазина, а там будет видно. Мы вышли из подъезда и направились за пивом. На торце дома, нас ждал неприятный сюрприз. Четыре сотрудника милиции ППС. Сразу стало понятно, что нас сейчас остановят и досмотрят. Так и произошло. Меня досмотрели первым. К моему счастью прицепиться было не к чему. Я был пустым. Вторым досматривали Андрея. Я знал, что у него в портсигаре помимо сигарет лежит пятачок. На удивление, Андрей был спокоен, не суеился и не дергался. Один из ментов нащупал портсигар и попросил его достать. Андрей спокойно достает его из кармана, открывает и три мента, подсвечивая внутрь двумя фонарями, ничего подозрительного в нем не замечают. Андрей тут же его закрывает и убирает обратно в карман. Начали досматривать Лёху. Практически сразу из кармана появляется источник щелканья. Это был пистолет. Один из ментов взял его в руки, извлек магазин, заглянул в ствол и через несколько секунд на запястьях Алексея защелкнулись наручники. Нас с Андреем задерживать не стали. Мы слышали, как помимо оперативной группы, мент по мобильному телефону вызвал и журналистов. Лёха

сказал нам, чтобы мы не волновались и расходились по домам. Мы так и сделали. По дороге Андрей рассказал мне, что пистолет этот, больше является макетом Макарова, сделанным из обычного пневматического пистолета. Просто ствол немного рассверлен вглубь под 9 миллиметров и вставлен магазин от служебного ИЖ- 71, в котором вместо патронов находится просто одна стреляная гильза. В общем и целом, ничего противозаконного. Андрей пошел, по всей видимости, домой, а я отправился в первый подъезд. На нашем этаже шло живое общение. Стояли пятеро, все явно обкуренные. Я тут же рассказал им обо всем произошедшем. Простояв примерно полчаса, я принял решение идти домой.

От меня всё еще исходил стойкий запах алкоголя, но мать уже примерно год меня не обнюхивала по приходу с улицы. Домой удалось пройти тихо. Отчим спал в зале на диване. Мама была в ванной. Я постучал в дверь и сказал, что пришел. Состояние было нормальное. Нормальное для того, чтобы послушать музыку и, конечно же, помечтать. Снова заиграла «Агата Кристи» и подростковые мечтания побежали в моей голове бурными потоками. Сегодня я мечтал, как стану киллером. Да, да – киллером. Не космонавтом, не пожарным, а именно киллером. Я стою на этаже в подъезде. Ожидаю жертву. Двери лифта открываются и из него выходит объект. Я появляюсь из-за мусорки и стреляю ему в затылок из пистолета с глушителем. Тут же понимаю, что из лифта он вышел не один, рядом с ним девушка, случайный свидетель, и этот свидетель – Лиза... Я колеблюсь, но все же сохраняю ей жизнь. Она, конечно, меня узнаёт. На этом моменте, я вспоминаю, что завтра первым уроком русский язык. Мысли о предстоящей двойке за самостоятельную тут же обрывают все желание мечтать. В душе появляется неприятный осадок.

Ночь пролетела. На удивление, я даже проснулся сам. Спать можно было еще минимум минут сорок, но спать абсолютно не хотелось. С одной стороны, хотелось скорее в школу, с другой, не хотелось вовсе. Я прошел на кухню, включил небольшой телевизор, стоящий на холодильнике, и стал ждать пока закипит чайник. Вспомнив вчерашнее происшествие, я пробежался по каналам, в поисках программы «Ночной дозор». Это была наша местная передача, рассказывающая о происшествиях нашего города. На подоконнике лежал газетный лист с программой телепередач. Я взял его и принялся искать нужный мне канал и название нужной передачи. «Ночной дозор» выходил в эфир через десять минут. После сна, по ощущениям, время летит гораздо быстрее и десять минут прошли буквально незаметно. Передача начиналась. Я сомневался, что даже если журналисты вчера и приехали на задержание Алексея, то в любом случае не успеют подготовить программу к эфиру. Однако, я ошибся. В анонсе был сюжет под названием «Оружие на Чернышевского». Внимание было приковано к экрану. Первые два сюжета были посвящены ДТП, а вот третий именно тому, свидетелем которого я стал. Все сказанное с экрана сотрудником милиции рознилось с тем, что рассказал мне вчера Андрей, относительно не настоящего пистолета. С экрана четко прозвучало, что пистолет переделан под стрельбу боевыми патронами и в магазине находилась не гильза, а именно патроны. В кадре стоял Лёха с заведёнными за спину руками. О боже, как я завидовал ему в тот момент. Как бы я хотел там стоять вместо него, чтобы журналист, тыкая мне в лицо микрофон, пытался взять интервью, а я посылал его матом, как это делал Алексей.

Расстояние до школы сокращалось. Я шел не спеша, прокручивая в голове сюжет из утренней передачи. В мыслях засела идея сделать нечто подобное, чтобы меня показали по телевизору, чтобы прогреметь. То, что за это можно поплатиться свободой, меня как-то особо не тревожило. Ведь еще не известно, чем это все кончится для Лёхи. Впрочем, кончилось это для него уже через три часа после задержания. Этим же вечером он был дома. Пистолет и вправду был бутафорским. В заключении экспертизы было четко прописано – «оружием не является». Пистолет вернули. Отец Лёхи позвонил в редакцию и потребовал снять сюжет с эфира, а то, что мент нагородил на камеру, было не более, чем его домыслами.

К кабинету русского я пришел одним из первых, что было совершенно на меня не похоже. Класс был заперт, но свет в кабинете горел. Значит Лиза уже была на работе. Количество одноклассников постепенно увеличивалось. Вскоре из-за угла стал доноситься стук каблучков и через мгновение появилась Елизавета. Ее лицо источало свет и выглядело необычайно свежо. Она открыла кабинет и, отойдя немного в сторону, предложила ученикам проходить в класс. Я зашел последним, встретившись с ней взглядом. Свет от лампы освещения упал удачно, и я смог рассмотреть цвет ее глаз. Он был голубым. Начинался урок. Как я и предполагал, начинался он с результатов самостоятельной работы. Елизавета взяла наши самостоятельные и, называя фамилию, ждала, пока ученик поднимет руку, после чего подходила и отдавала работу в руки. Так было проще запомнить детей. Скажу честно, я волновался, не знаю почему, но волновался. Стопка таяла на глазах, но моя фамилия не звучала. В итоге она так и не прозвучала. Лист с моей самостоятельной был последним. Она молча подошла к моей парте и положила его, положила обратной стороной. Я дождался пока она подойдет к своему столу и только после этого перевернул его. Посмотрев на оценку, я поднял глаза и посмотрел на нее. Она смотрела на меня. Около пяти секунд мы смотрели друг на друга. За самостоятельную она поставила мне оценку три. Весь урок я думал с чем связана такая щедрость, но ответа на этот вопрос не было. После окончания урока, стоя в курилке и продолжая свои размышления, я смотрел как догорает лист с моей самостоятельной. Для меня это был своего рода подарок, для нее своего рода улика, компромат, который было решено уничтожить.

В этот же день на одной из перемен, произошла драка между двумя пацанами с параллельного класса. Драка была короткая. Парень, который по своим физическим данным являлся явным фаворитом, не сдюжил и после первых двух ударов по лицу повалился на пол, закрывая голову, видимо, опасаясь последующих ударов. Но дальнейших ударов не последовало и конфликт был исчерпан. Победитель определен. Крепкий, коротко подстриженный юноша по имени Боря, по кличке Нос, из разжатого кулака незаметно для окружающих спрятал в карман спичечный коробок. Приём известный и не хитрый. Только лучше использовать что-то потяжелее, например, хороший болт или просто свинцовую пластину. Это заметно добавляет силы удара, но в ход, видимо, пошло единственное, что оказалось под рукой. Перед началом последнего урока я шел с очередного перекура к кабинету истории. На встречу по коридору шла Елизавета, по всей видимости в учительскую. Она смотрела на меня, я смотрел на нее. На ее лице не было никаких эмоций. Скорее наоборот, было какое-то безразличие ко мне. Я понял, что тему с завышенной оценкой лучше не поднимать. Сделать вид как будто ничего не произошло, но в душе я был безмерно ей благодарен и решил отблагодарить её каким-нибудь образом. Той же самой подаренной плиткой шоколада. Последним уроком была история. Иногда мне нравилось слушать то, что рассказывал учитель, иногда это казалось смертельной скукой. Все сорок минут, что длился урок, «история» делилась переживаниями за своего сына, который проходил службу в армии. К этим рассказам я точно интереса не проявлял и, сложив руки на парте, решил немного подремать. Меня вообще мало интересовали чужие сыновья и их проблемы. Меня вообще не волновал никто, кроме себя самого и это я считал нормальным. Эгоизм был моей яркой отличительной чертой.

В конце уроков меня попросил отойти в сторону одноклассник Слава Донцев. Это был одним из тех парней, с кем я общался. Предмет для диалога был известным. Слава поинтересовался можно ли где-нибудь «взять»? Я сказал, что теоретически «взять» конечно можно, но для уверенности не мешало бы позвонить. Слава предложил зайти к нему домой. Телефон у него имелся, да и жил он совсем близко от школы. У всех барыг, живущих в моем доме, к счастью, были домашние телефоны. Мобильники тогда были еще далеко не у всех. Иногда я задумывался над тем, сколько молодых ребят, таких как я, курят эту дрянь и каждый раз ловил себя на мысли, что количество это было изрядное. Самое страшное было то, что химка являлась лишь первым шагом. Многие позже начинали пробовать нечто более тяжелое, например,

Ханку, которая была вторым по популярности наркотиком, или героин. Кстати, Ханку и героин на протяжении долгого времени продавали на моем этаже, но я всегда старался держаться от них подальше, хотя предложения попробовать уколоться поступали регулярно.

В отличном расположении духа мы дошли до дома, в котором жил Донцев. Я был почти уверен, что взять не составит труда и, как только переступил порог его квартиры, тут же напал на телефон. Барыга по имени Женя ответила быстро. Это была девушка лет тридцати, темноволосая, стройная, тогда еще достаточно привлекательная. Женя плотно сидела на ханке и торговля химкой была её единственным заработком. Если другие барыги продавали только целыми коробками, реже половинками, то Женя не брезговала брать любые суммы, при этом никогда не обижая ни количеством, ни качеством. Поэтому клиентов у нее всегда хватало.

– Женя, привет. Это Артём. Как у тебя дела?

– Всё хорошо, – прозвучало в ответ вялым голосом.

– Женя, я зайду минут через 20, какой-нибудь фильм посмотреть возьму. Один диск выберу.

– Заходи, я дома, – прозвучало так же вяло и в трубке пошли гудки.

Настроение было отличное. Я, разумеется, предложил Славе прогуляться до моего дома вместе. Во-первых, вдвоем как-то веселее, а во-вторых, и это самое главное, не будет необходимости заряженным тащиться обратно к нему. Слава согласился. Добравшись до моего дома, я взял у него 200 рублей и, оставив его под своим подъездом, пошел к Жене. В ее дверь я всегда звонил особым образом. Два коротких звонка. Чуть погодя, черная железная дверь приоткрылась и тут же появилась женская рука. Я вложил в нее две сложенных втрое ста рублевых купюры, после чего рука тут же исчезла и дверь закрылась. Я остался ждать. Через минуты полторы-две щелкнул замок и дверь снова приоткрылась, но на этот раз не много шире. Я взял из протянутой руки пухлый бумажный сверток и, поблагодарив Женю, направился к лестнице. Судя по внешнему виду Женя недавно укололась. Рот был приоткрыт, веки сильно опущены. Спустившись на два пролета вниз, я остановился, прислушался и принялся разворачивать сверток. Женя насыпала от души, видимо сказывалось состояние. Решив, что Славе такое количество отдавать будет не правильным, я быстро скинул рюкзак с плеча, достал первую попавшуюся под руку тетрадь и, вырвав из нее лист, принялся отсыпать некоторое количество себе. В итоге того, что осталось в свертке вполне хватало, чтобы оставить Славу довольным. Я вышел из подъезда Жени и направился к своему. Мы поднялись на мой этаж. Слава взял сверток, развернул его и приятно удивившись количеству, тут же предложил покурить. Я курить отказался и попросил просто отсыпать мне небольшую пятку. Слава конечно же согласился. Через пару минут я был уже дома практически с половиной коробка. День и вечер были обеспечены. Можно было даже не выходить на улицу, а провести время за прослушиванием музыки в спокойной домашней обстановке. Это было одним из моих любимых занятий. Музыка давно стала оказывать влияние на формирование моей личности.

Дома был отчим. К моему огромному удивлению, он, по всей видимости, занимался поиском работы. Обзванивал объявления. В подробности я решил не вдаваться и сразу прошел в свою комнату, чтобы раздеться. Хотелось как можно скорее покурить и я даже начал чувствовать, что пропадает аппетит, но подкрепиться после школы было необходимо. Быстро сообразив себе пару бутербродов с колбасой, я проглотил их, как крокодил и тут же направился в подъезд, захватив сверток с тем, что отсыпал мне Слава. На этаже было тихо. Нужно было все делать быстро. Местные наркоманы были тут постоянные гости. За батареей была припрятана моя пачка папирос. Я достал «беломорину», выдул из нее табак и быстро принялся забивать. Скурить получилось чуть больше половины. Больше не лезло. Потушив аккуратно пятку, я спрятал остатки там же, за батареей. Приятно ощущение медленно начинало заполнять меня, начиная с головы. Я вернулся обратно в квартиру. Чувство расслабленности стекало сверху вниз. Совсем скоро я понял, что всё же немного перекурил. Ощущения стали до того сильные,

что начали доставлять дискомфорт. Впрочем, это быстро прошло и состояние стало то, что надо. В отличие от водки, которая «торкает» всегда одинаково, химка торкает всегда по-разному, так как сама по себе всегда разная. Коричневая, мы такую называем «Елочкой», всегда берёт сильнее. Взять такую, считается удачей. Зеленая, она же «Зелёнка», берёт зачастую значительно слабее, да и по времени держит значительно меньше, хотя и в «Зеленке» встречается исключение. Когда я учился в седьмом классе, парень по имени Вова, который сам, кстати, не курил, принёс нам на пробу немного «Зелёнки», как он тогда сказал – подарок от брата. Тогда я впервые покурил так, что испугался. Сильное ощущение вибраций шло по всему телу. Немел язык, перед глазами всё ходило ходуном и дребезжало. Доходило до того, что появлялось ощущение, как будто душа отлетает из тела и ты наблюдаешь за собой со стороны. Очень неприятно. Самый простой способ обломить такое состояние, это выпить один-два стакана чистой воды и всё практически сразу приходит в норму.

Я лёг на кровать и включил музыку. Мечты не заставили себя долго ждать. Сегодня я представлял себя в роли террориста. Думаю, все помнят кадры, облетевшие весь Мир. Захват заложников на Дубровке. Главарь террористов Мовсар Бараев даёт интервью журналистам. Почему бы и нет? Вчера вечером был киллером, сегодня днём уже террорист. Конечно, сложно сказать, что происходит в голове юного парня, но это происходит и это явно выходит за пределы нормы. Представляю, как я среди членов банды. Хожу по залу, полный заложников. В какой-то момент натыкаюсь взглядом на знакомый образ. Да, сомнений быть не может, это Елизавета. Моё лицо скрыто маской. Я подхожу к ней и прошу встать со своего места. Представляю, как она млеет от страха и ужаса. Пытаюсь воссоздать ее лицо в этот момент. Не получается. Открываю глаза. Появилось желание покурить сигарету, но сигарет, к сожалению, нет.

Пришлось снова выйти на площадку и покурить папиросу. Однако, на этаже стоял рыжий парень. Он был не местный, но клиент постоянный. Явно ждал пока ему вынесут. Я спросил у него сигарету. Он не отказал. Было видно, что настроение у него приподнято. Я успел выкурить пол сигареты, как дверь, располагавшаяся напротив моей, открылась и Илью начали подзывать шёпотом. Он тут же сорвался с места. Произошел короткий разговор, и Илья вернулся. В руке он держал шприц с уже готовой ханкой. Он судорожно начал закатывать рукав куртки, который то и дело сползал обратно. В какой-то момент Илья не выдержал и обратился ко мне за помощью. Я с силой передал ему руку, не давая рукаву сползнуть. Он начал работать кулаком. Почти сразу стали проявляться вены. Я без особого удовольствия стал наблюдать за тем, как мутная жидкость красного цвета медленно уходит из шприца. Лицо Ильи практически сразу приобрело какой-то безразличный вид. Он извлек иглу, спустил рукав и, выкинув шприц в мусоропровод, направился к лифту. Я тоже не стал задерживаться и вернулся в квартиру. Не могу сказать, что это зрелище меня впечатлило. Скорее, мне было неприятно наблюдать за этим и для себя я чётко решил, что никогда не стану пробовать это говно. Я вернулся к себе в комнату.

Магнитофон продолжал работать. Песня под названием «Поход» очень точно передавала смысл того, что я только что наблюдал. «Наш поход на небо...» вот уж точно подмечено. Я на небо особо не торопился и почему-то пророчил себе большое будущее. Во мне жила уверенность, что всё в жизни должно сложиться. Правда, с такими мечтами перспективы были сомнительными, но других увы не было. Конечно, хотелось чего-то особенного, но больше всего хотелось произвести на окружающих какое-то впечатление. Хотелось ошеломить их. Буквально сбить с ног, но никаких идей в голове не было. В голове тогда вообще ничего не было. Полный вакуум, который регулярно заполнялся наркотическим дымом. Я даже не думал о том, что буду делать после школы. Маячила перспектива срочной службы в армии. Совсем не давно всех парней из класса отправили на комиссию, которую я, разумеется, тоже прошел. Никаких ограничений. Так же заполнили анкеты для военкомата. Прошли, так сказать, профотбор. Я написал, что хочу быть снайпером. Вроде ничего необычного, нормальная такая

профессия убивать людей точными выстрелами. Тогда я ещё не задумывался над тем, что это может насторожить компетентные лица. Мои размышления прервал стук в дверь комнаты. На пороге появился отчим с пустой пластиковой бутылкой.

– Артём, сходи за пивом, пожалуйста.

– А сам что? – недовольно спросил я, стараясь не поднимать красных глаз.

– Да я работу ищу, мне некогда.

– Ну, а я устал после школы. Хочу отдохнуть.

Желания выходить на улицу не было. Вообще, когда покуришь и находишься в таком состоянии в обществе, появляется ощущение, что все на тебя смотрят, словно тебя в чем-то подозревают. Отчим продолжал меня уговаривать, но я был категоричен.

– Пидор! – раздраженно выпалил он и с силой захлопнул дверь.

За дверью продолжали раздаваться разного рода обзывания. Вскоре хлопнула входная дверь и в квартире наступила тишина. Меня подобное обзывание несколько не задело. Просто я привык слышать нечто подобное в свой адрес. Отец бы никогда такого себе не позвонил. Но отец умер почти семь лет назад. Будучи ещё совсем молодым, успел перенести два инфаркта. Третий стал последним.

Мать очень тяжело перенесла потерю. Наверное, именно в тот момент и произошел какой-то сдвиг в нашей семье. Хотя я был еще совсем ребенком, но все помнил. До двенадцати лет я рос хорошим, прилежным мальчиком, а потом в один момент произошёл какой-то надлом. Порой мне казалось, что все, буквально все, в один момент начали меня ненавидеть и я в долгу не остался, начал ненавидеть их в ответ. Учителя в школе первыми заметили изменения в поведении. Стала резко падать успеваемость. Начали появляться прогулы. Сначала единичные, по одному уроку. Потом прогуливать стал целыми днями. Когда на улице было тепло, я отсиживался в лесу. С приходом холодов терся по подвалам и чердакам. Успеваемость продолжала падать, и из хорошиста я очень быстро превратился в троечника. Вскоре стали проявляться совсем нехорошие наклонности. Начал убивать животных. Кошек и щенков. Впрочем, это быстро прошло. Зачем я это делал, сказать не могу. Мне не доставляло удовольствия смотреть, как погибает животное. Приятно другое. Приятно быть вершителем судеб. Решать, кому жить, а кому нет. Этаким кото-собачий Бог. В очень раннем детстве, я спокойно наблюдал, как топором рубили курицам головы, как разделявали только что забитую свинью. Тогда это не вызывало у меня никаких эмоций. В конце концов в нас заложено убийство. Не вижу разницы убить курицу или убить кошку. Разница лишь в том, что курицу затем употребят в пищу. Факт убийства это не отменяет. Иногда я задумывался над тем, что родился не в свое время. Думаю, из меня получился бы хороший чекист.

Из динамиков магнитофона раздалось шипение и через секунду кнопка «Play», щелкнув, заняла обычное положение. Кончилась сторона «А». Начинало отпускать. Я снова вышел в подъезд и докурил остатки. Голова сразу стала тяжелой. Реакция на всё стала заторможенной. Немного побродив по пустой квартире, я вернулся в комнату и просто лёг спать. Ощущение вращения тела, как на карусели, некоторое время не давало уснуть. Я вспомнил про Елизавету и про ее добрый поступок по отношению ко мне. Было принято решение попросить вечером у матери немного денег, чтобы купить утром шоколадку и занести её Лизе.

Я проспал до вечера. Голова сильно гудела и сразу же начало одолевать чувство нереального голода. Вскоре с работы пришла мать. Буквально с порога она высказала недовольство отчиму по поводу того, что он не приехал за ней. Тот начал невнятно оправдываться. Ссоры и разборки происходили дома регулярно. Я в них не вмешивался, иначе всегда оставался крайним. Иногда мне казалось, что без меня им жилось бы лучше. Может я и вправду был лишний на этом Свете.

Через полчаса был готов ужин. Мать не много успокоилась и, выбрав подходящий момент, я обратился к ней с просьбой. Звучало всё убедительно. Да и дело было благородное.

Мама не отказала. Очень плотно поужинав, я всё же решил пойти на улицу. Сборы заняли минут десять. Я долго не мог решить брать ли с собой то, что я отсыпал себе днём или всё же оставить дома. В итоге решил взять половину. Этого вполне хватало мне одному. Вторую половину решил докурить уже по возвращению домой, перед сном.

Прихватив с собой папиросу, я, как обычно, направился в тринадцатый дом. В подъезде было шумно. Сверху доносился громкий смех. По голосу я безошибочно определил, что ржал Ваня. На этаже почти все были в сборе, все в хорошем настроении. Не трудно было догадаться почему. Среди них я увидел не знакомое мне лицо. Парень, лет двадцати. Мы пожали друг другу руки. Его звали Александр. Смешной, отличительной чертой его было сильное заикание. Некоторые фразы он произносил нормально, а на некоторых словах голова его поворачивалась влево, при этом изо рта, видимо непроизвольно, он вытаскивал язык. Складывалось такое впечатление, что невидимая удавка душила его в этот момент. Как позже выяснилось, этот дефект речи появился у него еще в детстве, в следствии удаления гланд. Впрочем, он достаточно быстро влился в нашу компанию и стал таким же постоянным её членом, как и все мы. Этим же вечером в подъезде я встретил Лёху, которого на днях приняли с пистолетом. Он спускался по лестнице, видимо, от своей девушки. Алексей вкратце рассказал, что происходило после нашего ухода. С тех пор я не очень доверял тому, что слышал с экрана телевизора. Я обратил внимание, что он трезвый и предложил ему покурить то, что имелось у меня при себе. Парень сразу заметно повеселел. Мы решили пойти в другой подъезд, где было потише. Небольшую пятку решили раздуть «паровозами». Лёха достал из кармана небольшой флакон с Нафтизином и, обильно залив каплями глаза, тут же протянул их мне. До этого я не пользовался каплями и вначале решил отказаться, но он настоял, и я в итоге согласился. Несмотря на то, что время было еще не позднее, я решил пойти домой. Зайдя в квартиру и посмотрев в зеркало, висящее в прихожей, я удивился абсолютно нормально виду глаз. Краснота отсутствовала полностью. С тех пор глазные капли стали моими верными друзьями.

Глава 3.

Я долго стоял у прилавка магазина, пытаюсь определиться с выбором шоколадки для Лизы. Сложно, когда не знаешь предпочтений. Выбор остановился на средней по цене, с цельными орехами. Остальное потратил на сигареты. Русского и литературы по расписанию сегодня не было, но я был настроен зайти и отблагодарить ее. Елизавета была в кабинете, и была одна. По всей видимости, она впускала учеников только перед самым уроком, чтобы побыть в относительной тишине и подготовиться к тяжелому рабочему дню. Я постучал и, приоткрыв дверь, спросил разрешения войти. Было заметно, что она слегка удивлена. Левая бровь ее приподнялась. Это на миг сделало ее еще более милой.

– Что тебе, Артём? – спросила она, положив ручку между страниц школьного журнала.

Я максимально быстро приблизился к ее столу и, расстегнув маленький отсек рюкзака, достал из него плитку шоколада. Елизавета слегка улыбнулась, вернее ухмыльнулась.

– Взятку принёс? Не стоило.

Она отвернула голову и начала смотреть в журнал.

– Я хочу, чтобы ты понял кое-что. Я не смогу делать этого постоянно. Ты понимаешь, о чем я?

Я закивал головой.

– Тебе необходимо начать прилагать усилия и менять свою жизнь. Иначе, будет трудно. Это ты сейчас думаешь, вот школу с горем пополам закончу и весь Мир падёт к ногам. Не падёт, Артём, не жди. Нужно прилагать очень много усилий, чтобы человеком стать. Вот ты кем хотел бы в жизни стать? – она снова перевела взгляд на меня.

Признаться честно, этот вопрос меня тут же поставил в тупик. На тот момент я хотел стать киллером, но сказать об этом как-то не решился.

– Я вот всегда хотела стать учителем. Много читала с детства. Толстую книгу могла за два дня прочитать, а то и за день.

Я продолжал стоять молча. Всё сказанное Елизаветой проходило сквозь меня, не задерживаясь. Мне было всё равно, что она говорит. Я просто наслаждался тем, как она говорит. Наслаждался её голосом, мимикой, еле заметной жестикуляцией. Казалось, в ней было идеально всё. Раздался короткий звонок. До начала уроков оставалось пять минут. Она взяла шоколадку и убрала ее в ящик стола. Я попрощался и покинул кабинет.

Первым уроком была химия. За два учебных года, меня ни разу не вызвали к доске. Смысл вызывать ученика, который совершенно не понимает предмет. Если только за тем, чтобы лишний раз его опозорить перед классом. Стоит заметить, что не по всем предметам было так. Были ненавистные мною алгебра и геометрия. Любовь Валентиновна, которая их преподавала и являлась, кстати, нашим классным руководителем, была неумолима. К доске выходили все и, если ты получил двойку на предыдущем уроке, знай, ты первый кандидат на то, чтобы пойти к доске снова, чтобы попробовать закрыть ее, ну или получить еще одну. Если по алгебре с божьей помощью я перебивался с двойки на тройку, то с геометрией было все куда хуже. Пять двоек подряд. Принципы, конечно, дело хорошее и нужное, но иногда все-таки можно проявлять снисхождение.

Я не влюбил Любовь Валентиновну ещё давно. Класе в шестом. Под конец четверти она дала нам задание найти какую-нибудь интересную арифметическую задачку, не сложную, чтобы быстро решалась. Под критерий попадали так же числовые ребусы, ну и все в этом духе. К счастью, у меня дома была целая книга, с нечто подобным. Она вызвала к доске тогда всех, кроме меня. Весь, сука, класс на халяву получил пятерки, я же получил порцию унижения! Мне до сих пор не понятно ее решение, но я этого не забыл. Не забыл и не простил. Конечно, ученик должен сам своим трудом заработать оценку и это правильно, но выделять ученика таким образом, на мой взгляд, недопустимо. Тогда она ясно дала понять мне, что я хуже других и не заслуживаю хорошей оценки. Как всё просто. Сидит тётка и решает, кто из детей пойдет домой в хорошем настроении, а кто нет. Кого дома похвалят, а кого не похвалят. И ведь никому не интересно, на сколько важным это может быть для человека, особенно для ребенка. Очередной вершитель судеб.

До выпускного оставалось всего полгода, и было понятно, что выпустят всех, не смотря на успеваемость. И экзамены сдать помогут, в этом сомнений не было. Почти каждую свободную минуту я снова и снова воспроизводил в памяти утренний разговор с Лизой.

День тянулся на зло долго. Последним уроком была география. По всем признакам было понятно, что Зоя Васильевна дорабатывает в школе последние месяцы, если не недели. Срываясь на учеников по любому поводу, она давно перестала пользоваться у детей авторитетом. Сорвать урок географии? Что может быть проще. Мы давно нащупали её слабое место и время от времени били по нему. Этим местом была Великая отечественная война. Вернее, отношение Зои Васильевны к ней, а если сказать еще точнее, то какое-то лютое отторжение всего, что связано с Третьим рейхом. Сложно сказать, почему она так реагировала на это. Возможно, кто-то погиб в войну из родственников. Может в концлагере кого-то замучили, а может кто-то не пережил голод в блокадном Ленинграде. Одно было ясно. Эта тема являлась табу. Весь класс находился на своих местах. Прозвенел звонок на урок. Все дети поднялись и хором поздоровались с учителем. Все, кроме меня. Когда она предложила сесть, я поздоровался индивидуально.

– Хайль Гитлер! – громко произнес я, выкинув вперед правую руку в фашистском приветствии.

Реакция не заставила себя долго ждать.

– Заткнись, дерьмо! – разнеслось по классу.

– Встань! Встань я сказала! Встань и стой! – буквально вопила учительница.

Тут же закрутилась старая пластинка про миллионы погибших, замученных, пропавших без вести. Про тысячи разрушенных городов и сожжённых деревень. Честных десять минут Зоя перечисляла все ужасы войны, забыв, наверное, упомянуть только Холокост. Урок, конечно же, был сорван. Странно, но к директору или завучу она меня не повела и в кабинет их приглашать тоже не стала. В итоге, почти весь урок я простоял, рисуя фашистскую свастику в тетради, на задней странице. Очень скоро Зою Васильевну мы, конечно же, довели. Примерно через месяц она уволилась и больше я ее никогда не видел. Слышал правда, что она устроилась работать в какой-то интернат.

На следующий день, на одной из перемен, когда я возвращался с перекура, меня остановила Елизавета.

– Артём, ты в Гитлерюгенд записался что ли? – недовольно спросила она.

Я не сразу понял, что она имеет ввиду и чего от меня хочет, но начал догадываться, что это как-то связано со вчерашней выходкой на географии. Что-либо отвечать я постеснялся, из пасти сильно разило куревом.

– Прекращай это, я тебя прошу, – сказала она сердито, после чего, не задерживаясь, пошла дальше.

Стало понятно, что о моей выходке стало известно. Меня это немного напрягло, но никаких последствий в дальнейшем не имело. Некоторые ученики, наверное, считают, что учителя не общаются между собой. Это далеко не так. Еще как общаются, а некоторые не просто общаются, но и спят вместе. В школе имелся подобный пример. С каждым днём Елизавета заполняла все большее пространство в моей голове. Мои мечты в роли отрицательного героя теперь всегда были с её участием. Между тем, я не признавал, что влюбился в нее. Ведь я будущий наёмный убийца или террорист и мне не положено любить кого бы то ни было. Порой очень сложно держать эмоции внутри себя. Пытаешься быть для окружающих скалой бездушной, непоколебимой, устойчивой ко всему. Но рано или поздно наступает момент, когда удерживаемые в узде эмоции начинают переполнять и совершаются поступки, зачастую не обдуманные, глупые. И мне начинал срочно требоваться такой поступок. Необходимо было заставить её посмотреть на меня с другого ракурса, под другим углом. Нужно было разрушить эту схему «учитель – ученик». Замужем она или нет, я не знал, да меня это и не волновало. Тем более на тот момент я лишь хотел, чтобы она обратила на меня внимание. Никаких идей в голове не возникало. Вся эта затея начинала казаться мне безнадежной и в итоге я просто отказался от своих намерений.

Глава 4.

В преддверии нового года к нашей компании присоединился еще один человек. Его звали Антон. Он был на пару лет старше меня. Знакомы мы были уже около четырех лет, но тесно никогда не общались. Антон был тоже со странностями схожими с Ваниными, тоже любил сочинять. За что, собственно, и получил прозвище Лапшин. Но лишь этим его странности не ограничивались. В один из вечеров он пришел в подъезд в бронежилете. Легкий кевларовый броник был на нём вместо кофты. На вопрос зачем с важным видом ответил, что так надо. Ну надо, так надо. Не думаю, что была реальная угроза его жизни, просто каждый сходит с ума по-своему. С Антоном иногда было очень сложно общаться. Всё из-за того, что нельзя было понять, когда он говорит правду, а когда выдумывает. Справедливости ради стоит заметить, что к моменту написания этих строк, Антон находился в зоне проведения СВО на Украине. Это была его вторая ездка после ранения и сильной контузии. Так вот, заядлым «травокуром» Антон не был, но имел полезные знакомства в этом направлении. Он неоднократно говорил, что есть у него человек, который ищет людей для сбыта «смолы». Смолой называли гашишное масло. Густая, вязкая жидкость темно-бурого либо зеленого цвета. Смешиваешь с табаком, и вуа-ля, химка готова. Все эти разговоры я пропускал мимо ушей, до тех пор, пока Антон не

принёс нам на пробу пару кубов смолы. Щедрость неслыханная. Укурились мы тогда на славу. Я решил поговорить с ним, с целью взять на продажу. Разговор сложился удачно.

Не знаю, что имел с этого Антон, но следующим вечером, озираясь по сторонам, я шел домой с двадцатикубовым шприцем, наполненным смолой. За всё это добро, после реализации, я должен был отдать три тысячи рублей. С продажи одного куба, я оставлял себе 50 рублей. Но хитрость была в том, что с честного куба получалось, шесть-семь пяток химки, тогда как обычный, стандартный коробок состоял из четырех-пяти пяток. Короче говоря, с одного куба мне запросто могло падать от сотни рублей. Конечно, требовалось держать всё в тайне, создавать иллюзию, что я по-прежнему хожу и беру, чтобы не привлекать лишнего внимания. Все эти нюансы я прокручивал в своей голове, пока шел домой. В первый же вечер, я сделал такой замес, что просто не смог прикурить пятку, она попросту не хотела гореть. Со скрипом, но торговля пошла. Сказать по правде, особых денег мне это не приносило. Я больше скури-вал чем продавал. Конечно, я старался откладывать деньги, чтобы рассчитаться с Антоном, но прекрасно понимал, что полной суммы мне не набрать. Всё более отчетливо начинала вырисовываться нехватка. Смола заканчивалась, подходили сроки расчета, а в моей барыжной кассе было две трети от нужной суммы. Это около двух тысяч рублей. В один из вечеров я передал их Антону, сказав при этом, что остальное донесу до конца недели, так как осталось ещё небольшое количество, которое требовалось реализовать. Долг в тысячу рублей повис на мне тяжелым грузом. По нынешним меркам сумма просто смешная, но тогда, это было целое состояние.

Я сидел в своей комнате за письменным столом. Через три дня требовалось закрыть долг. Нужно было срочно что-то решать. Конечно, за тысячу рублей никто меня убивать бы не стал, но спросить могли по-разному. Тем более, я не хотел терять канал поставки, рассчитывая в будущем взять на продажу ещё, но быть умнее и стараться хоть не много держать себя в рамках в плане употребления.

Я не помню в какой момент в моей голове появилась эта идея, но она плотно засела и казалась мне единственным выходом из сложившегося положения. Эти дни я старался держаться трезвым, мозгам необходимо было проветриться после трёхнедельного коматоза. Да и появляться лишний раз в тринадцатом доме без денег не хотелось. Я начал собираться на улицу. Выбор одежды у меня был совсем невелик, но покопавшись в шкафу, мне удалось найти кое-что подходящее. Старые джинсы черного цвета и свитер, с длинным воротником, тоже черного цвета. В прихожей на полке, прикрученной к стене, среди старых перчаток, шапок, шарфов и прочего барахла лежал газовый баллончик. Насколько я помнил, это простое, но достаточно эффективное средство защиты подарил тогда еще живому отцу какой-то приятель-моряк, который привёз его из-за границы. Однажды, я имел удовольствие по неосторожности опробовать его на себе. Будучи ребенком, я решил проверить горит ли газ, находящийся в нем или нет. Приготовил спички, открыл окно на кухне и пшикнул на оконный отлив. Сквозняком газ с улицы тут же затянуло в квартиру. Большая его часть тогда попала мне на лицо. Могу сказать, что ощущения были непередаваемые. Казалось, что сотня иголок разом вошла под кожу. Минут тридцать я лежал на кровати с мокрым полотенцем на лице, пока лицо не перестало безумно печь. Так я познакомился с эффектом газового баллончика. При правильном обращении, вещь полезная, эффективная и вполне может защитить, но сегодня он нужен был мне не для защиты.

Я шел не спеша. Шел к своей школе. Ощущался легкий мандраж. Я еще не знал, как всё произойдёт, и что-либо планировать особого смысла не было. Решил действовать по ситуации. Да, я решил совершить преступление. Преступление серьезное, за которое могло последовать наказание, но выбора не было. Требовалось срочно закрыть долг. Территория школы была пуста. Я полностью обошёл ее два или три раза. К территории прилегала автобусная остановка. Редкие маршрутки останавливались, высаживая на ней пассажиров. Обычно не больше двух человек. Я выбрал место с максимально плохим освещением и принялся ждать, стараясь

сливаться с темнотой. Очень скоро ноги начали замерзать, а за ними и всё тело. Никого подходящего пока не было. Так, стоя в засаде, я провел около часа, пока не задубел окончательно.

Когда я уже был близок к тому, чтобы бросить всё и пойти домой, на территории, в темноте появился чей-то одинокий силуэт. По мере приближения, я понял, что идет женщина, по всей видимости, в шубе. Я стал озираться по сторонам в поисках случайных свидетелей. Стояла тишина. Людей по близости не наблюдалось. Я медленно присел, стараясь не обнаружить себя, но при этом ни на секунду не упускал женщину из вида. Всё это походило на то, как хищник из засады готовится напасть на выбранную им жертву. По мере приближения женщины мандраж усиливался. Дыхание начало сбиваться. Я обратил внимание, что абсолютно перестал ощущать холод. Женщина продолжала движение не спеша, переваливаясь с ноги на ногу. В руке она держала то, что должно было стать моим, а именно женскую сумку. Секунды шли. Меня трясло всё сильнее. Когда наступил момент, что надо было либо начинать движение, либо отказываться от всей этой затеи, я, стараясь не создавать лишнего шума, устремился вперед. Женщина уже свернула за угол и была впереди меня. Всё шло как надо. Я и планировал напасть сзади, чтобы не дать возможности даже немного рассмотреть меня. Кстати сказать, умение бесшумно ходить, я долго тренировал и овладел им почти в совершенстве. Жертва находилась метрах в четырех от меня, не больше. Ей необходимо было преодолеть небольшую лестницу примерно из десяти ступенек.

Я продолжал сокращать дистанцию, держа газовый баллончик в руке. К моему удивлению, на первой же ступеньке она оступилась и упала на колени. Пользуясь моментом, я бегом приблизился к ней. Ее сумка лежала почти у моих ног. Она что-то бормотала себе под нос, пытаясь подняться. От неё исходил сильный запах перегара, что и объясняло ее падение, а также неуклюжие попытки подняться. Я наклонился и левой рукой крепко схватил сумку, поднеся при этом газовый баллончик к ее левой щеке. Почти сразу я надавил на кнопку, максимально отвернув лицо. Тут же раздался ее кашель. Сомнений не было, газ попал в дыхательные пути. Я с силой дернул сумку на себя и бросился с территории школы.

Мне повезло. Случайных прохожих не было, так же, как и проезжающих мимо машин. Перебежав через проезжую часть, я свернул за капитальные гаражи и бегом продолжил движение по грунтовой дороге, ведущей в частный сектор. Требовалось немного прийти в себя и перевести дыхание. Я знал, что у меня есть минут пятнадцать до того, как женщина сообщит в милицию о нападении. Уже находясь на территории частного сектора, я решил не спешить домой и задержаться, хоть это и грозило разборками с матерью. Это решение объяснялось просто. Дорога, которая вела к моему дому, в том числе вела и к первому отделу милиции, что располагался выше и, если сигнал в милицию всё же поступит, то группа, выехавшая на вызов, с высокой долей вероятности встретит по пути меня.

Свернув на одну из улиц, уже спокойным шагом и пряча за пазухой женскую сумку, я направился в дом, в котором жил сказочник Ваня. Деревянная дверь дома была заперта на засов изнутри. Я постучал. Стук получился громкий, настойчивый. Засов лязгнул, дверь резко отворилась и в проходе появился Ваня. Ничего не объясняя, я буквально вломился в чужое жилище. Дыхание было сбито. Я дышал как пёс в жаркую погоду. Ваня начал задавать вопросы, но я, ничего не отвечая, просто достал и показал ему сумку. Он всё сразу понял и поспешил закрыть дверь обратно на засов. Моя первая добыча, буквально обжигала мне руки. Мы сели на корточки и принялись вместе потрошить сумку. Первым, что я из нее извлек, это прозрачный полиэтиленовый пакет с картошкой. Думаю, около одного килограмма. Потом пошли какие-то бумажки и дешевый китайский калькулятор. Всё!!! Больше в ней ничего не было! Сумка тут же полетела в топящуюся на ночь печь, где и сгинула в огне, как главная улика. Я продолжал сидеть на корточках обхватив голову. Так обосраться нужно было умудриться. Попросив Ваню всё сохранить в тайне, я направился к выходу. Газовый баллончик решил оставить у него. Через пару дней я узнал от того же Ванька, который работал грузчиком на рынке, что огра-

бил продавщицу по прозвищу Валя Терминатор. М-да, не даром говорят, первый блин комом. Домой я пришел почти вовремя, но мрачнее тучи. Дело было сделано, а результат нулевой. Рассчитываться по-прежнему было нечем.

Через день проблему с долгом я решил. Когда стало ясно, что с неба тысяча рублей не упадёт, я пошел на неприятный поступок. Поступок, который на долгое время лишил меня домашнего покоя. В шкафу, за всегда аккуратно сложенным постельным бельём хранилась мамина шкатулка с золотыми украшениями. Среди них были два массивных золотых кольца с камнями, обручальное кольцо и отцовская золотая печатка, которую он никогда не носил, так как та была ещё с биркой. Все изделия были старомодные и мама их не надевала. Я долго перебирал украшения, думая какое из них взять. В итоге выбор пал на отцовскую печатку. Так как мне на тот момент еще не было восемнадцати лет, пришлось обратиться за помощью к Роману. Я решил кольцо не продавать, а просто заложить, в надежде, что со временем смогу его выкупить. Этим же вечером, я полностью рассчитался с Антоном, а остальные деньги прокурил и пропил с Ромой. Решить одну проблему, создав при этом другую, более серьезную, вариант, конечно, так себе. Но выбора не было. Снова прибегать к грабежу не хотелось, так как я понял, что это не даёт ожидаемого результата, а срок можно схлопотать нехилый. Если уж и делать что-то, то с гарантией, чтобы наверняка. Тем не менее совершенное преступление оказало на меня некоторое влияние. Несмотря на то, что поступок этот был крайне отрицательный, преступление в конце концов, воздействие на меня он оказал положительное. Появилась какая-то уверенность в себе. Я прям ощущал прилив энергии и начал понимать, что могу выходить за рамки дозволенного. Вот только с отцовской печаткой надо было что-то решать. Теперь, находясь дома и слыша, как открывается дверь шкафа, моё сердце замирало. Мне казалось, что вот именно сейчас мать решит проверить всё ли золото на месте. Тогда сложно было спрогнозировать последствия, поэтому я всё же надеялся поднакопить денег и выкупить отцовскую цацку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.